

27. Ромм, А. О музейном строительстве и витебском музее современного искусства / А. Ромм // Искусство. – 1921. – № 2–3. – Апрель–май. – С. 6–7.
28. Ромм, А. Ю.М. Пэн. (К 25-летию его художественной деятельности в Витебске) / А. Ромм // Искусство. – 1921. – № 4–6. – Июнь–август. – С. 24–25.
29. Ромм, А. Юбилейная выставка Ю.М. Пэна / А. Ромм // Известия Витгубревкома и губкома РКП. – 1921. – № 202. – 8 сент. – С. 4.
30. Стройте Губернский музей // Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б). – 1921. – № 100. – 8 мая. – С. 4.
31. Хмельницкая, Л. В. Витебские годы Александра Ромма: председатель Комиссии по охране памятников / Л.В. Хмельницкая // Бюллетень Музея Марка Шагала. – 2010. – Вып. 18. – С. 36–57.
32. Художественный митинг-диспут // Известия Вит. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1919. – № 27. – 5 фев. – С. 4.
33. Художественный диспут // Известия Вит. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1919. – № 276. – 6 дек. – С. 4.
34. Художественный митинг-диспут // Витебский листок. – 1918. – № 1056. – 4 дек. – С. 2.
35. Шагал, М. Письмо в редакцию / М. Шагал // Витебский листок. – 1918. – № 1061. – 9 дек. – С. 2.
36. Шишанов, В. «Curriculum vitae» Александра Ромма / В.А. Шишанов // Мишпоха. – 2007. – № 20. – С. 72–73.
37. Шишанов, В. А. Витебский музей современного искусства: история создания и коллекции (1918–1941) / В.А. Шишанов. – Мн.: Медисонт, 2007. – 144 с. [с. 22–24]
38. Шишанов, В.А. Полемика вокруг «футуризма» (современного искусства) в печати Витебска 1918–1924 гг. / В.А. Шишанов // Першы міжнародны навуковы кангрэс беларускай культуры : зборнік матэрыялаў (Мінск, Беларусь, 5 – 6 мая 2016 г.). – Мн. : Права і эканоміка, 2016. – С. 135–138.

Брянцев М.В.

ОБРАЗ ТРОЦКОГО В ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Образ Троцкого, одного из творцов Октябрьской революции долгое время оказывался табуированным в советской историографии. Однако «архивная революция» значительно расширила круг источников, позволяющих иначе посмотреть на привычные события, образы нашей истории. Такого рода «открытым» материалам являются «информационные» сводки. Понимая всю сложность этого источника, о которой уже не раз говорилось в российской историографии [1; 8; 9], следует все же отметить, что в работе использованы материалы регионального архива, а не аналитически обработанные сводки ИНФО ОГПУ. В основу работы положены «информационные» сводки Гомгуботдела ОГПУ за 1924–1926 годы, а также «докладная записка» о ходе празднования XI-й годовщины Октябрьской революции и «характеристика» призыва в Красную армию за 1928 г. [2]. Все эти источники передают слухи, толки и разговоры населения о Троцком.

Появление в начале марта 1923 г. правительственного сообщения о болезни Ленина вызвало в обществе множество слухов, толков, прогнозов и порождало разные настроения. Одним из наиболее устойчивых интересов были разговоры о приемниках Ленина. Несмотря на то, что достойного приемника не виделось, наиболее часто звучала фамилия Троцкого. В том или ином сочетании известия о вине Троцкого в смерти вождя встречались в самых разных местах Советской России. Крестьяне Хойнинской волости, Речицкого уезда Гомельской губернии были уверены, что после смерти Ленина «остался еще один вождь Троцкий, которого казаки забрали в Крым. Что Троцкий, как выдающийся полководец не даст себя в обиду в насмешку противникам» [3, л. 153].

Однако последующий ход событий показал, что известность Троцкого подверглась тяжким испытаниям: многое из того что делал Троцкий было использовано для снижения его популярности и формирования отрицательного образа. В частности, отъезд Троцкого на Кавказ на лечение рассматривался многими как своего рода опала [4, л. 4 об.]. В Гомельской губернии говорили о его бегстве в Латвию и Эстонию, объясняя это нежеланием красноармейцев иметь главнокомандующим еврея [3, л. 14].

Опасность еврейского засилья особенно актуальна была для населения бывшей «черты оседлости». Жителей этих районов беспокоило еврейское происхождение Троцкого, который, по их мнению, будет защищать свою нацию, а потому в Гомельской губернии было распространено желание, чтобы место умершего Ленина занял не еврей: «Хоть бы Бог дал, что бы не еврей», – говорили они [4, л. 9 об.].

Возвращение Троцкого в Москву после лечения было воспринято с некоторым недоверием. Многим не верилось, что это могло случиться по доброй воле сторон. Население, не доверявшее официальным сообщениям, и в этом случае полагало, что случится это могло лишь только под давлением Англии и Франции. Связь Троцкого с буржуазными государствами прослеживается в народной молве на всем протяжении 1924 г. Заметную роль в этом сыграла официальная пропаганда, пытавшаяся нарисовать представление о Троцком, как предателе интересов советского государства. В народной среде этот посыл властей выражался словами: «Троцкий дей-

ствует в контакте с иностранными государствами и своим выступанием дает толчок Антанте и открытому наступлению на СССР», он готов идти «на все уступки заграничным государствам» ради достижения цели и делает все, чтобы получить «вооруженную помощь в борьбе против Советской власти» [4, л. 376; 3, л. 65].

Однако в народной среде существовало и иное мнение. Недовольство населения существующим положением вызывало симпатии к Троцкому в его противостоянии с ЦК и рождало надежду на то, что во главе противников правящей верхушки встанет столь популярная личность как Троцкий, который, в глазах крестьян, был освободителем от коммунистического гнета. Уже в декабре 1924 г. в крестьянской среде Гомельского уезда появились слухи о том, что в Москве в связи с дискуссией происходят бои. А на Глуховской суконной фабрике в Клинцовском уезде рабочие уточняли, что во главе восстания московских рабочих стали Керенский и Троцкий [4, л. 377].

Слухи о том, что Троцкий поднял восстание против коммунистов и стремится «восстановить полную частную собственность и свободную торговлю» получили широкое распространение весной 1925 г. в Гомельской губернии. Ради достижения этой цели он «уехал за границу и пойдет войной на Соввласть». Некоторые говорили, что «Троцкий бежал на флот, где надеется на большую поддержку военморов», но все недовольные властью были единодушны в том, что «Перемена должна быть, ибо недаром Троцкий пошел против большевиков». Эти антибольшевистские настроения в Речицком уезде Гомельской губернии привели к тому, что на выборах в сельсоветы 1925 г. прошли – 9% бедняков, 80% середняков и 11 % кулаков. Только в одной деревне председателем сельсовета был выбран коммунист и секретарем – комсомолец [3, л. 64–65, 161, 165]. В некоторых местах крестьяне отказывались платить налоги в надежде, что Троцкий их отменит или же чтобы не платить налоги дважды, т.е. население надеялось, что Троцкий обязательно победит то ли в ходе революции, то ли войны. Новый порядок, установленный Троцким, будет, по мнению крестьян, более либеральным, несмотря на то, что некоторые говорили о его царистских устремлениях [4, л. 389].

Не получило единогласного осуждения и стремление е ЦК РКП (б) опорочить Троцкого после публикации его статей осенью 1924 г. Обвинение его в меньшевизме истолковывалось населением как положительное явление в силу того, что Троцкий рисуется фигурой, действующей в интересах народа. Его меньшевистское прошлое, по мнению людей, было им оставлено на время гражданской войны, теперь же после ее завершения он вернулся к своим взглядам. Силу влияния Троцкого обостряли слухи о том, что в своем антикоммунизме Троцкий опирается на «добрую половину» Красной армии и недовольство Советской властью со стороны крестьянства [4, л. 376–377].

Люди были готовы отвечать на вопрос: они за «ленинизм» или «троцкизм», не понимая всей глубины расхождений внутри партии, а тем паче противоречия «троцкистов» и «сталинистов», которые присвоили себе право трактовать Ленина, но они не были готовы огульно осуждать Троцкого. Скорее наоборот, часть населения недовольная советской властью, искала в Троцком те черты, которые соответствовали их чаяниям и не всегда совпадали с его действительными взглядами. В условиях нарастания социально-экономических проблем различные слои населения чаще всего связывали свои ожидания с разрешением свободной торговли и снижения/отмены многих налогов. Уже в декабре 1924 г. торговцы Гомеля надеялись на Троцкого, как на сторонника свободной торговли. Приверженцем частной собственности Троцкий виделся крестьянам Гомельской губернии [4, л. 376; 3, л. 65]. Неслучайно служащие Гомельской почтово-телеграфной конторы увидели в Троцком мученика, «единственное лицо, которое выведет государство из тупика» [3, л. 13,14]. Эти факты подтверждают мнение некоторых исследователей, считающих, что людей, симпатизировавших Троцкому, было куда больше, чем отмечалось в официальных отчетах [10, с. 61]. Положительное отношение к Троцкому давало повод думать, что его приход к власти изменит существующие советские порядки, поменяв многие пункты программы коммунистической партии [4, л. 376; 3, л. 65].

Таким образом, устремление Сталина и его окружения окончательно подавить инакомыслие и навязать одну «правильную» точку зрения среди населения не удалось, даже в рядах партийцев на закрытых партийных собраниях раздавались голоса несогласных. У некоторой части населения исключение лидеров оппозиции вылилось в различные протестные формы. Одни выражали свое недовольство вербально, другие же, занимались распространением листовок против их исключения из партии. В частности, факты проникновения в казармы «троцкист-

ской» литературы, оказавшей влияние на настроения не только беспартийных, но и коммунистов, отмечались в Белорусском военном округе в 1929 г. [5, л. 51, 95, 98].

И все же, пропаганда таких устремлений Троцкого нашло понимание среди масс населения, обеспокоенных расколом партии. В массе удалось сформировать агрессивное отношение к действиям оппозиции. Стали раздаваться голоса поставить новую партию под «строгий надзор», не давая ей развиваться, а Троцкого, коль его исключили из партии, удалить из СССР, «чтобы не мешали партии работать». Ситуацию усугубляло стремление Зиновьева, Каменева Троцкого, по мнению крестьян Стародубского уезда, «вернуться к меньшевизму» [5, л. 757]. Несомненно, что такие суждения были ничем иным, как отражением влияния официальной пропаганды, так как население не было знакомо с взглядами лидеров оппозиции, точнее знало о них только то, что транслировалось официальной властью.

Очередной всплеск интереса к личности Троцкого и оппозиции, вообще, был связан с его высылкой за границу. Далекая фигура Троцкого для многих казалась не только гонимой, но и привлекательной своим героическим прошлым. Председатель сельсовета д. Новые Иолчи, Комаринского района Ващенко и бывший партизан Кляпец И.С., которые докладчику-коммунисту возразили, недовольные ответом на поставленный ими вопрос: «Троцкий по своим заслугам является всемирным светилом этим званием его назвала даже всемирная буржуазия. Действительно Троцкий непобедимый гений». На возражение секретаря партийной ячейки Тесленка о бонапартизме Троцкого Ващенко с места подал реплику: «Для нас разницы никакой нет даже при таком строе, какой думал сделать Наполеон. В данное время во Франции крестьянам живется лучше нашего» [7, л. 208; 6, л. 61].

Судьба троцкизма в СССР для некоторых казалась перспективной. В частности, на мануфактурном складе Клинцовского Райсоюза говорили о том, «что мнение оппозиции рано или поздно должно взять верх». Причиной такой уверенности является, по мнению говорившего, то, что «полноление партии идет за счет молодняка, а учащаяся молодежь во время дискуссии с Троцким была на стороне последнего, а отсюда вывод, что когда подрастающее поколение сменит руководящую головку партии, тогда осуществится мнение оппозиции». Аналогичное мнение, но с иной аргументацией, открыто высказывал служащий Стародубского ЕПО б[ывший] крупный торговец А.Л. Безчинский. Он говорил, что властям нужно пойти на уступки, «нужно партии признаться, что она потеряла силу, с потерей таких активных видных работников, как Троцкий, Зиновьев и друг[ие] и рано или поздно, а оппозиция возьмет верх, ибо она сейчас на свою сторону привлекает рабочие массы, суля им повешение зарплаты и лучшие условия жизни и если оппозиция возьмет верх, то тогда будет полная свобода и строй будет похож на социал-демократический» [5, л. 671, 757].

Таким образом, информационные материалы рисуют сложное восприятие населением фигуры Л.Д. Троцкого на всем протяжении 1920-х гг. Заметное место в формировании восприятия Троцкого сыграла агрессивная политическая кампания, направленная как против самого Троцкого, так и искажение его взглядов, и преследование его сторонников. На протяжении долгого времени власть транслировала отрицательные характеристики, как самого Троцкого, так и оппозиции, в целом. Однако следует заметить, что на протяжении 1920-х гг. фигура Троцкого был в центре внимания различных слоев населения, которое оценивало его не только исходя из посылов власти.

1. Виноградов, В.К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества / В.К. Виноградов // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – Т. 1. (1922–1923 г.). – Ч. 1 / редкол.: Ю.Л. Дьяков, (отв.ред.) [и др.]. – М.: ИРИ РАН, 2001. – С. 31–76.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО).
3. ГАООГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1938.
4. ГАООГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 2431.
5. ГАООГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 2932.
6. ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 409.
7. ГАООГО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 496.
8. Измозик, В.С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 годах / В.С. Измозик. – СПб.: УЭиФ, 1995. – 164 с.
9. Лившин, А. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. / А. Лившин. – М.: Университетский гуманитарный лицей Москва, 2010. – 272 с.
10. Резник, А. Троцкизм и левая оппозиция в РКП (б) в 1923–1924 годы / А. Резник. – М.: Свободное марксистское издательство, 2010. – 112 с.